

Около бурсы.

Воспоминанія о духовной школѣ 60-хъ годовъ, въ связи съ очеркомъ быта тогдашняго сельскаго духовенства.

(Окончаніе).

Въ теченіе пасхальной недѣли духовенство съ иконами ходило по селу, служа молебны. Конечно, дѣти-школьники сопровождали родителей по приходу, пѣли молебны и получали за это отъ прихожанъ по грошу или по копѣйкѣ на человѣка, а отъ бабъ по яйцу. Это былъ уже личный заработокъ школяровъ, который они послѣ Пасхи везли съ собою. Яйца предварительно подвергались особому процессу: ихъ перенекали, ставя въ горшкахъ на ночь въ горячую печь. Здѣсь они теряли избытокъ влаги, и бѣлокъ получалъ коричнево-желтоватый оттѣнокъ. Правда, они дѣлались довольно суховатыми, но зато было практично: они могли не портиться въ теченіе 4—6 недѣль.

Впрочемъ не весь запасъ, собранный учениками на Пасхѣ, доставался имъ однимъ. Изъ нихъ надо было удѣлить десятка 2 учителямъ. У насъ было принято, возвращаясь съ каникулъ, являться къ инспектору и учителямъ. При этомъ, смотря по достатку родителей, ученики съ явкой вручали учителю 10—15—20 коп., а при христосованіи послѣ Пасхи—и 5—10 яицъ. Обычай этотъ настолько укоренился, что иной изъ наставниковъ, бывало, и упрекнетъ пропустившихъ явку учениковъ, что они забыли „явиться“ къ нему

¹⁾ См. „Русскую Старину“ май 1911 г.

послѣ каникулъ. Теперь подобный случай показался бы возмутительнымъ и во всякомъ случаѣ смѣшнымъ, но чтобы понять значеніе этого обычая, надо знать, что получали наши учителя за свои труды. Насколько я помню, вознагражденіе учителя не превышало 400—500 руб. ассигнаціями, т. е. 120—150 руб. на серебро. Такъ какъ на эту сумму нельзя было прожить семейному человѣку въ губернскомъ городѣ, несмотря на тогдашнюю дешевизну, то у кого поднялась бы рука съ камнемъ осужденія за полученіе отъ учениковъ подавня въ 10—20 коп. и 5—10 яицъ. Мы, по крайней мѣрѣ, да и наши родители не протестовали противъ вышеуказаннаго обычая и не презирали за него своихъ воспитателей.

Вобщемъ, насколько помню, къ учителямъ нашимъ мы особенной неприязни не питали. Конечно, наиболѣе строгихъ изъ нихъ мы боялись, не любили ихъ, но я не помню, чтобы кто-либо изъ учениковъ, даже жестоко тѣлесно наказанный, вздумалъ оскорбить учителя или мстить ему. Таковъ былъ духъ времени, что и учителя и ученики, повидимому, считали тѣлесныя наказанія необходимымъ элементомъ воспитанія и обученія. И дѣйствительно стоило только въ концѣ 60-хъ годовъ повѣять новымъ духомъ, какъ тотъ самый нашъ инспекторъ В. И. В—скій, о которомъ я выше говорилъ, какъ о самомъ жестокомъ педагогѣ, какъ бы перемѣнился. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ окончанія мною курса училища, онъ поступилъ въ приходскіе священники и, какъ говорятъ, сдѣлался неузнаваемымъ по своему добродушію...

XXVI. Экзамены.

Въ концѣ учебнаго года, обыкновенно въ іюнѣ, мы подвергались экзаменамъ. Экзамены были двухъ родовъ: простые („внутренніе“) и „публичныя“. Простые экзамены производились въ классахъ нашими же учителями, а публичныя совершались съ особенною торжественностью. На этихъ экзаменахъ присутствовали: мѣстный архіерей, ректоръ, инспекторъ и преподаватели („профессора“) семинаріи, губернаторъ, высшіе губернскіе чины и высшее духовенство города. Такіе экзамены были страшны не только намъ, но и нашему начальству. Помню, тотъ же В. И. В—скій, встрѣтивъ меня передъ началомъ публичнаго экзамена на корридорѣ и, спросивъ, не очень ли я трушу, замѣтилъ, что, вѣдь, сегодня „страшный судъ“ (при шепелявости его эти слова звучали, какъ „штрашный шуть“). Дѣло въ томъ, что, если на публичномъ экза-

менѣ ученики отвѣчали неудовлетворительно или сбивались, робѣя въ непривычной обстановкѣ, за нихъ должны были отвѣчать сами учителя. Преподаватель предмета, по которому производился экзаменъ, обыкновенно становился около вызваннаго ученика и не смѣлъ сѣсть. Во избѣжаніе посрамленія учебнаго заведенія вслѣдствіе плохихъ отвѣтовъ учениковъ, вызывались, обыкновенно, лучшіе ученики. А когда архіерей случайно вызоветъ слабаго ученика, онъ замѣнялся другимъ, болѣе подготовленнымъ. Обманъ этотъ удавался и считался почти дозволеннымъ. Да и лучшіе-то ученики, которыхъ предполагалось вызвать на публичномъ экзаменѣ, знали отъ учителей, какіе вопросы будутъ предложены.

Если, такимъ образомъ, лучшіе ученики должны были показать начальству казовую сторону учебнаго дѣла въ заведеніи, то худшіе, мало подготовленные, должны были заботиться, по крайней мѣрѣ, о наружномъ украшеніи своей школы или, лучше сказать, экзаменаціоннаго зала. Для него отводилась, обыкновенно, одна изъ бурсацкихъ спаленъ, наиболѣе большая. Чтобы сдѣлать ее болѣе приглядною и скрыть ея грязный видъ, ее украшали гирляндами, цвѣтами и березками, а полъ усыпался травою и цвѣтами. Какъ цвѣты изъ полей и лѣсовъ, такъ и вѣтви деревьевъ добывали ученики сами. Они же и украшали залъ.

На публичныхъ экзаменахъ, какъ выше сказано, бывали и „профессора“ семинаріи. Иногда вопросъ, заданный ученику, и отвѣтъ послѣдняго вызывали споръ между самими экзаменаторами, и ученику, вызванному для отвѣта, приходилось превращаться въ слушателя. Насколько помню, большинство споровъ, возбужденныхъ на публичныхъ экзаменахъ, имѣло схоластическій характеръ, не особенно интересный для учениковъ, но послѣдніе были довольны, что споры эти возбуждались: чѣмъ больше начальство спорило между собою, тѣмъ меньше времени оставалось для самаго экзамена. На семинарскомъ языкѣ вопросы, предлагаемые внѣ учебника, назывались „возраженіями“. Никогда не забуду,—какъ на одномъ изъ экзаменовъ ученику, рассказывавшему исторію пророка Іоны, было сдѣлано возраженіе, какъ китъ могъ проглотить Іону, если у него очень небольшое горло. Преподаватель началъ объяснять, что, вѣроятно, Іону проглотила акула, имѣющая широкое горло, тѣмъ болѣе, что въ книгѣ Іоны говорится не о китѣ, а о „большой рыбѣ“, которой Богъ повелѣлъ проглотить Іону. Затѣялся споръ, произведшій большую сенсацію. Но рационалистичное объясненіе событія съ пророкомъ Іоною быстро разрѣшилъ одинъ почтенный протоіерей, присутствовавшій на экзаменѣ, простымъ соображеніемъ, что если Іона могъ пребыть живымъ въ утробѣ „морского звѣря“, если и

это уже обстоятельство никакъ нельзя объяснить естественнымъ образомъ, и оно есть само по себѣ чудо, т. е. явленіе сверхъестественнаго свойства, то къ чему разглагольствованія о томъ, китъ или акула проглотилъ пророка Іону?

XXVІІ. Заключение.

Еще одно послѣднее сказанье,
И лѣтопись окончена моя...

Моноотонна и сѣра была семинарская жизнь того времени. Масса молодежи гибла въ этой захолустной средѣ или выходила изъ школы безъ всякихъ умственныхъ и нравственныхъ устоевъ. Школа не отвѣчала на высокіе умственные и нравственные запросы. Нѣкоторые богато одаренныя, но слабовольныя натуры, видя, что школьная среда не удовлетворяетъ ихъ, сбивались съ толку и гибли, предаваясь извѣстному россійскому пороку, отъ котораго погибало такъ много даже выдающихся русскихъ людей: топили свое горе, свою неудовлетворенность, въ винѣ. Сколько даровитыхъ и въ высшей степени симпатичныхъ людей погибло такимъ образомъ даже на моей памяти! Никогда я не забуду одного изъ своихъ семинарскихъ учителей И. М. С—ва, человѣка въ высшей степени умнаго, остряка, человѣка образованнаго, съ широкими, гуманными взглядами, прекраснаго преподавателя, который еще въ своей молодости нашель себѣ сираведливую оцѣнку своего ученика Добролюбова. И этотъ человѣкъ, краса и гордость семинаріи, любимецъ всѣхъ своихъ учениковъ, въ концѣ концовъ кончилъ нервнымъ разстройствомъ, вѣроятно, до конца своей жизни безпощадно бичуя себя за недостатокъ воли и стойкость характера,—недостатки, которые онъ отлично сознавалъ и отъ которыхъ онъ на урокахъ психологіи такъ часто предостерегалъ своихъ учениковъ...

Но не всѣхъ убивала обстановка тогдашней школы. Люди, съ твердымъ характеромъ и съ дѣтства направленные въ хорошую сторону, закалялись въ этой обстановкѣ, не поддаваясь вліянію ужасной среды. Нужда заставляла „калачи ѣсть“. Недостатки школы пополнялись самообразованіемъ. Чего не давала и не могла дать школа, они добивались своимъ умомъ, своимъ трудомъ, лбомъ пробивая себѣ дорогу. Наша школа мало помогала ученію; у насъ не было репетиторовъ, которые бы помогали намъ учить уроки, рѣшали намъ задачи и писали для насъ сочиненія. У насъ не было ключей къ латинскимъ и греческимъ авторамъ, такъ распростра-

ненных въ настоящее время, не было примѣрныхъ рѣшеній математическихъ задачъ, не было плановъ сочиненій, не было разнаго рода, правда безтолковыхъ, повторительныхъ курсовъ, — всего того, чѣмъ разные юркіе издатели теперь снабжаютъ молодежь. Теперь, конечно, легче учиться. Но что легко дается, благодаря ренетиторамъ и ключамъ, то легко и забывается. Не забывается лишь то, что добыто самостоятельно безъ излишней посторонней помощи, которая подчасъ совсѣмъ убиваетъ самодѣятельность и пріучаетъ молодыхъ людей цѣлый вѣкъ ходить „на помочахъ“.

В. К.

